

Свами Вивекананда

СОВРЕМЕННАЯ ИНДИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ИНДИЯ

Всемогущество ведийских жрецов объясняется их знанием священных *мантр*. Сила этих мантр заставляет дэвов спускаться с небесных обителей, принимать подносимые им пищу и напитки и благосклонно внимать молитвам яджаманов. Поэтому цари, так же как и их подданные, заботятся о благосостоянии жрецов во время их земной жизни. Жрец поклоняется Радже Соме, и он процветает благодаря могуществу мантр. А поскольку это так, то дэвы, чьей любимой пищей является сок растения сомы¹, подносимый им жрецом, всегда благосклонны к нему и удовлетворяют его желания. Поэтому силой божественной милости он преодолевает всяческое людское сопротивление, ибо что может противопоставить смертный могуществу богов? Даже царь, средоточие всей власти на земле, лишь проситель у его дверей. Всего лишь его благосклонный взгляд — уже величайшая помощь, его простое благословение — величайшее благо для государства, с которым ничто не может сравниться.

Вот он повелевает царю начать военную кампанию, чреватую смертью и разрушениями, вот он рядом с ним как лучший друг среди его мудрых советников, вот он плетет сеть тайных дипломатических интриг, в которые легко попадает сам царь, — во всех случаях жрец зачастую полностью подчиняет себе царскую власть. Помимо всего прочего, самое ужасное заключается в осознании того, что имя и слава самого царя и членов его семьи зависят от простого росчерка пера жреца. Он пишет историю. Царь может обладать неограниченной властью, достичь небывалой славы в своем царстве, он может являться одновременно и матерью, и отцом для своих подданных, но если жреца не умиловать, солнце славы царя навсегда закатится с его последним вздохом, вся его значимость и полезность, заслуживающие всеобщего внимания, навсегда канут в лету, подобно тому, как растворяется бесследно капля росы в океане. Другие же, кто приносит огромные жертвоприношения в течение многих лет, выполняет Ашвамедху² и иные обряды такого рода, те, кто осыпает жрецов богатством, подобно проливному дождю в сезон муссонов, — их имена по милости жрецов увековечиваются в истории. Имя Приядарши Дхармашоки³, возлюбленного богов, известно лишь в кругу жрецов, в то время как имя Джанамеджайи⁴, сына Парикшита, знают в каждой индусской семье.

Для того чтобы защитить государство, покрыть расходы на личный комфорт и роскошь для себя и своей многочисленной свиты, кроме всего прочего, для того чтобы переполнить сундуки всемогущих жрецов и тем самым умиловать их, царь постоянно обирает своих подданных, подобно тому как солнце иссушает влагу из земли. Его основной жертвой — дойными коровами — становятся *вайшьи*.

Ни при индусских царях, ни при буддистском правлении мы не встречаем того, чтобы простые подданные, выражая свою волю, принимали участие в управлении государством. Верно, что Юдхистхира посещал дома вайшьев и

«Современная Индия» написана на языке бенгали в марте 1889 г. На русском языке небольшой отрывок из нее публиковался в приложении к монографии В. С. Костюченко «Вивекананда». М., 1977.

Перевод выполнен Д. Е. Чельшевым по изданию: The Complete Works of Swami Vivekananda, v. 4. Calcutta, 1989.

¹ *Сом* — растение или кустарник, из которого древние индийцы выжимали сок. Во многих ведических гимнах содержатся приглашения богам отведать этот священный пьянящий напиток.

² *Ашвамедха* — жертвоприношение коня, одно из самых дорогих и торжественных жертвоприношений ведийской эпохи. Имело политическое значение: оно означало, что устраивающий его правитель претендует на господство над той или иной областью.

³ *Имя Приядарши Дхармашока* (то есть «Приятный для взора», «Добродетельный») император Индии Ашока получил после того, как он принял буддизм. *Ашока* — один из самых известных исторических деятелей Индии (III в. до н. э.). При нем возникло огромное государственное образование, протянувшееся от Кашмира почти до самого юга субконтинента. Согласно достоверным источникам, Ашока принял буддизм, хотя существуют расхождения в описании самого факта и его причин (традиция трактует его обращение к буддизму как результат потрясения, вызванного страданиями людей во время войны с государством Калинга, расположенного на восточном побережье субконтинента). Ашока проводил политику религиозной терпимости, нашедшей отражение в его многочисленных наскальных эдиктах. Согласно традиции, в правление Ашоки в Паталипутре состоялся собор, на котором основные идеи буддизма были сведены воедино и канонизированы. Однако достоверность этого события оспаривается многими исследователями.

⁴ *Джанамеджайя* — известный царь Лунной династии в эпосе. При нем было устроено большое жертвоприношение змей.

даже шудр, будучи в Варанавате, верно также и то, что подданные молили Бога, чтобы Рамачандра стал регентом в Айодхье, более того, они даже критиковали поведение Ситы⁵ и тайно строили планы добиться ее изгнания, но, с точки зрения признанной государственной власти, они не имели голоса в верховном руководстве. Народная сила стремится выразить себя косвенным и беспорядочным образом без какого-либо четко определенного метода. Люди пока еще не осознали самого факта существования этой силы. С их стороны не наблюдается ни попытки организовать ее в рамках объединенных действий, ни желания сделать это: наблюдается полное отсутствие той способности, того умения, с помощью которых малые и бессвязные силы можно объединить, создав тем самым в результате непобедимую силу.

Происходит ли это из-за отсутствия соответствующих законов? Видимо, нет, дело не в этом. Существуют законы, существуют методы, определенным и четким образом предназначенные для регулирования деятельности различных правительственных органов, существуют законы, скрупулезно регламентирующие практически все, будь то сбор налога или управление армией, отправление правосудия или наказание и вознаграждение.

Но в основе всего лежит предписание риши — слово, обладающее божественной властью, божественное откровение, исходящее от одухотворенного Риши. Законы, если можно так выразиться, не обладают гибкостью. В существующих условиях люди не имеют возможности получить того образования, которое позволило бы им научиться объединяться друг с другом, быть едиными в достижении какой-либо цели, отвечающей всеобщему народному благу; образования, благодаря которому они смогли бы достичь уровня интеллекта, необходимого для осознания той истины, что народ обладает правом на определенную часть тех богатств, которые царь собирает со своих подданных; наконец, такого образования, благодаря которому в них могла бы зарониться искра желания завоевать себе право представительства в вопросах контроля над доходами и расходами государства. Да и зачем им все это нужно? Разве вдохновение Риши не может обеспечить их процветание и прогресс?

Опять-таки все эти законы содержатся в книгах. А между тем, как эти законы определяются в книгах и их действием в практической жизни существует огромная разница. Один Рамачандра рождается после того, как умирают тысячи Агниварн!⁶ Многие цари являют нам образец жизни Чандашоки⁷, такие же, как Дхармашока, встречаются редко! Число таких царей, как Акбар⁸, который заботился о своих подданных, гораздо меньше, нежели таких, как Аурангзеб⁹, который строил свое благополучие на крови собственного народа.

Но ведь даже если бы все цари были столь богоподобны, как Юдхиштхира, Рамачандра, Дхармашока или Акбар, при милостивом царствовании которых люди жили в полной безопасности и процветании, ощущали отеческую заботу своих правителей, все равно рука того, кого постоянно кормят, постепенно теряет способность самостоятельно подносить пищу к рту. Инстинкт самосохранения никогда полностью не разовьется у того, кого постоянно оберегают другие. Даже самый сильный юноша останется не более чем ребенком, если его таковым будут все время считать его родители. Люди, которыми постоянно управляют богоподобные цари, полностью заботящиеся об их безопасности и благополучии, никогда не будут иметь возможности понять принципы самоуправления. Подобная нация, полностью зависящая во всем от царя и никогда не стремящаяся ко всеобщему благу и самозащите, постепенно все более лишается присущей ей энергии и силы. Если же это положение зависимости и покровительства продолжается долго, оно становится причиной деградации нации, и ее гибель не за горами.

⁵ Беглое упоминание эпизодов из «Махабхараты» и «Рамаяны». Юдхиштхира, отвечая на вопрос «что есть чудо?», говорит, что «диво дивное» состоит в том, что, хотя люди изо дня в день уходят в обитель смерти, «оставшиеся все же ищут нерушимости» (или какой-либо «прочной основы», «недвижимости») (Махабхарата, III, 312). Согласно индийскому эпосу и пуранам, правители государств в долине Ганга принадлежали к двум династиям: солнечной и лунной. Легендарный герой Рама считается членом солнечной династии. Самая известная ветвь лунной династии — бхараты, герои «Махабхараты». С царями лунной династии связывается и название всей страны — Бхаратаварша. Рамачандра — Рама, герой «Рамаяны», идеал справедливого правителя и преданного супруга. Сита — супруга Рамы, идеал индусской женщины. После освобождения из плена, куда ее заключил правитель Ланки Равана, ей пришлось доказывать супругу и народу, что она в неволе сохранила верность Раме.

⁶ Агниварна — согласно традиции, один из правителей Солнечной династии, который всю жизнь вел недостойный образ жизни и умер от злоупотребления спиртными напитками.

⁷ Чандашока — то есть «Жестокий Ашока». Этим именем называли правителя Ашоку, связывая с ним совершение многих злодеяний, до того как он принял буддизм. «Дхармашока» означает «Добродетельный Ашока». Такое имя он получил после того, как перешел к буддизму и сильно изменился.

⁸ Акбар — третий император (правил с 1556 по 1605 г.) династии Великих Моголов, внук Бабура, основателя династии. За годы правления расширил границы государства, включив в него Бенгалию, Гуджарат, Центральную Индию, сделал вассалами многих князей. Отличался широтой взглядов, при нем была отменена джизия — налог на неверных. Акбар попытался создать новую религию («божественную веру»), соединяя в одном вероучении элементы разных религий (ислама, индуизма, зороастризма, джайнизма и отчасти христианства). Оценки его реформ двойственны. Некоторые исследователи и общественные деятели (например, Дж. Неру) высоко оценивают его усилия по сближению «различных культурных потоков». Но существует и точка зрения, согласно которой начинания Акбара потерпели провал как заведомо неудачный эксперимент, основанный на ошибочной идее и не имевший продолжения в политике его преемников. Вивекананда, называя религиозные собрания Акбара «дискуссионным клубом», очевидно, придерживается второй точки зрения.

⁹ Аурангзеб — император, внук Акбара (правил с 1658 по 1707 г.). Считается одним из самых фанатичных приверженцев ислама, во многом проводившим политику, противостоящую политике Акбара.

Конечно, можно, имея на то все основания, заключить, что в том случае, если правительство страны руководствуется кодексом законов, предписываемых *шастрами*, которые представляют собой средоточие знаний, рожденных божественным гением великих мудрецов, оно, казалось бы, должно добиться неколебимого благосостояния как для бедных, так и для богатых, как для мудрых, так и для невежественных, как для самого царя, так и для его подданных. Но мы уже имели возможность убедиться, насколько отлично, или может быть отлично, действие этих законов на практике. Такое понятие, как право голоса подчиненных в управлении своей страной, которое является лозунгом современного западного мира и нашло свое последнее громогласное подтверждение в Декларации американского правительства, где говорится, что «управление страной должно осуществляться самим народом и ради блага народа», — нельзя считать абсолютно неизвестным в Древней Индии. Греческие и другие путешественники видели множество независимых маленьких государств, разбросанных по всей стране, сходные упоминания можно встретить во многих буддийских источниках. Вне всякого сомнения, первые ростки самоуправления присутствовали в системе деревенских панчаттов, которые и по сей день существуют во многих уголках Индии. Но эти ростки так навсегда и остались ростками, семя, хотя и посаженное, так и не превратилось в дерево. Эта идея самоуправления так и не преодолела зачаточной стадии системы деревенских панчаттов и не распространилась на все общество в целом.

В религиозных общинах, среди саньсяи в буддийских монастырях мы находим достаточно подтверждений полного развития самоуправления. Даже сейчас удивительно наблюдать, насколько сильно влияние системы панчаттов¹⁰, принципов самоуправления, проявляется среди саньсяи *нага*¹¹, каким глубоким уважением среди них пользуется Совет пяти, какими полными личными правами пользуется каждый наг в рамках своей секты, насколько блестяще в их среде проявляется сила организации и совместных действий.

Когда, подобно бурному потоку, буддизм распространился по всей стране, жреческая власть пришла в упадок, а царская, наоборот, возвысилась. Буддийские священнослужители — это отшельники, живущие в монастырях как бездомные аскеты, не проявляющие интереса к мирским делам. Они не имеют ни желания, ни стремления подчинить себе и держать под контролем царскую власть, используя при этом угрозы проклятий и магические чары. И если подобное желание отчасти еще и сохраняется, его осуществление становится невозможным. Дело в том, что буддизм раскачал троны поглощающих жертвы богов и низверг их с небесных высот. Положение Будды выше божественных позиций Брахмы и Индры, которые состязаются друг с другом в том, чтобы припасть к ногам Будды, богочеловека! И каждый человек имеет возможность достичь положения Будды, этот путь открыт еще при этой жизни. С падением богов, как естественное следствие, исчезло и превосходство жрецов, существующих благодаря им.

Соответствующим образом поведя этого могучего коня — царской власти — более уже не находятся в руках ведийских жрецов, и, будучи отныне свободным, он может скакать, где ему заблагорассудится. Ни жрецы, распевая гимны Шами¹² и отправляющие ритуалы яджни в соответствии с предписаниями Яджурведы, ни цари-кшатрии, разобщенные и управляющие каждый небольшим независимым княжеством, не обладают в этот период всей полнотой власти. Вся власть в этот период сосредоточивается в руках императоров, чье неограниченное влияние распространяется на огромные территории страны вплоть до океана, охватывая всю Индию из конца в конец. Лидерами этой эпохи становятся императоры типа Чандрагупты, Дхармашоки, а не такие правители, как Вишвамित्रа или Васиштха¹³.

Среди взошедших на трон Индии никогда не было императоров, которые возвысили бы страну до таких вершин славы, как владыки земли, неограниченно правившие страной в буддийский период. Окончание этого периода характеризовалось появлением на исторической арене власти раджпутов и возвышением современного индуизма. С возвышением раджпутов и с упадком буддизма скипетр Индийской империи, лишенный атрибутов неограниченной власти, вновь распался на тысячи осколков, каждый из которых был захвачен бессильными руками. В это время брахманской (жреческой) власти вновь удалось поднять голову, но на сей раз не в качестве соперника, а в качестве дополнения к царскому владычеству.

Во время этого переворота та извечная борьба между жреческим и царским сословиями, которая началась с ведийских времен и продолжалась на протяжении веков до тех пор, пока не достигла своего апогея во времена джайнской и буддийской революции, полностью прекратилась. Отныне эти две могучие силы будут дружны друг с другом, но мы уже более не встречаем у царей былой воинской доблести кшатрия, равно как не наблюдается того духовного совершенства, которым отличались брахманы, — и те и другие утратили ранее присущие им качества. Как и следовало ожидать, этот новый союз двух сил сосредоточился на удовлетворении личных интересов друг друга и стал, таким образом, бесплодным, израсходовав все свои жизненные силы в борьбе за искоренение общих врагов — буддистов и на другие тому подобные дела.

Погрызнув с головой во всевозможных пороках, неизбежных для подобного союза, — высасывая кровь из масс,

¹⁰ *Панчат* (санскр.: совет пяти) — деревенский (или любой другой) совет пяти наиболее уважаемых членов общины.

¹¹ *Наги* — здесь: члены одной из буддийских сект.

¹² *Шами* — священное дерево, с помощью его ветвей царь Пуруравас добыл три священных огня — огонь для домашних обрядов, огонь для совместных жертвоприношений, огонь для возлияний (Вишну пурана, IV).

¹³ *Вишвамित्रа* и *Васиштха* — легендарные правители-брахманы, прославившиеся праведностью и подвижничеством.

мстя своим врагам, разрушая чужую собственность и т. п., — они тщетно пытались имитировать обряды Раджасуи¹⁴ и другие ведийские обряды древних царей, превращая их в смехотворный фарс. В результате они оказались связанными по рукам и ногам колоссальной толпой лстивых поклонников, с их раболепной преданностью и, запутавшись в бесконечной череде ритуалов и церемоний с пышным декламированием мантр, стали вскоре легкой добычей для магометанских захватчиков с Запада.

Бхагаван Шри Кришна благодаря своему сверхчеловеческому гению сумел, по крайней мере временно, на период своего земного существования положить конец соперничеству жреческой и царской власти за превосходство, начатому с ведийских времен и продолжавшемуся на протяжении веков, ликвидировать враждебность жрецов по отношению к власти кшатриев.

Брахманское влияние практически полностью сошло на нет в Индии во времена расцвета джайнизма и буддизма или, возможно, сохранилось в ничтожной степени, полностью завися от сильных антагонистических религий.

Со времени возвышения власти раджпутов, распространившей свое влияние по всей Индии во времена династии Михиры и других, брахманская власть предприняла последнюю попытку возродить былое величие и, стремясь утвердить свое превосходство, запрдала себя полностью диким ордам варваров, пришедших из Центральной Азии, и, для того чтобы завоевать их благосклонность, ввела в обиход в стране их ужасные нравы и обычаи. Более того, она, эта брахманская власть, полностью посвятив себя легким способам одурочить невежественных варваров, ввела в практику таинственные ритуалы и церемонии, обосновываемые новыми мантрами, и, сделав это, она сама утратила свою былую мудрость, свои былые силы и жизнестойкость, а также свои оригинальные традиции, приобретаемые на протяжении столь длительного времени. Таким образом, она ввергла всю Арьяварту¹⁵ в глубокий и огромный водоворот наиболее диких, наиболее жутких, наиболее противоестественных варварских обычаев, и как неизбежное следствие утверждения этих отвратительных обычаев и предрассудков она сама вскоре утратила свою внутреннюю силу и энергию и превратилась в наислабейшую из слабых. Что же удивительного в том, что она распалась на тысячи осколков при первых ударах шторма мусульманского вторжения с Запада! Великая брахманская власть пала, и, кто знает, возродится ли она вновь?

Возрождение брахманской власти в условиях мусульманского правления, с другой стороны, было крайне маловероятным. Сам пророк Мухаммед был решительно против класса жрецов в любой его форме и прилагал все усилия к тому, чтобы полностью уничтожить эту силу, вводя соответствующие правила и предписания. При мусульманском правлении сам правитель был верховным жрецом. Он был главным авторитетом во всех религиозных делах. Когда же он становился императором, он мог лелеять надежду стать непререкаемым лидером во всех вопросах в мусульманском мире. Для мусульманина еврей или христианин не являются объектом крайнего отвращения, они в худшем случае считаются лишь людьми слабой веры. Но не так обстоит дело в отношении индуса. С точки зрения мусульманина, индус — это идолопоклонник, ненавистный, неверный, и поэтому в этой жизни он заслуживает того, чтобы быть безжалостно убитым, в будущей же жизни для него уготован вечный ад. Наибольшее благодеяние, которое могли оказать мусульманские правители классу жрецов — духовным наставникам неверных, — это разрешить им кое-как молча существовать и ждать своего конца. И даже это подчас считалось чересчур милосердным! Если же религиозное рвение какого-либо правителя выходило за обычные рамки, в этом случае немедленно следовали приготовления к грандиозной яджне в форме бойни для неверных.

С одной стороны, царская власть отныне концентрировалась в руках правителей, исповедующих иную религию и приверженных иным обычаям. С другой — жреческая власть оказалась полностью низвергнутой с некогда влиятельных позиций законодателя и верховной власти в обществе. Коран и свод его законов занял место Дхармашастры Ману и других священных текстов. Санскрит уступил место персидскому и арабскому языкам. Санскрит стал использоваться

¹⁴ *Раджасуя* — торжественное жертвоприношение, совершаемое при восхождении на царство.

¹⁵ *Арьявартой* называют свою страну жители Индии. Индуизм формировался в течение тысячелетий, проходя через различные стадии, которые ученые сейчас называют так: ведизм, брахманизм, собственно индуизм. Ведизм соотносится с верованиями, отразившимися в гимнах Вед, особенно в самом раннем ведическом сборнике — Ригведе; с брахманизмом связывается тот комплекс религиозных представлений, взглядов, правил и социальных установлений, который сложился к концу ведийской эпохи, примерно в I тыс. до н. э. Он отразил во многом новые взгляды на пантеон богов, религиозную практику, эсхатологические концепции древних индийцев. Наконец, позднее, ближе к VII в. н. э., сформировался тот комплекс идей и практических предписаний, который получил название индуизма. Само название религии («индуизм») вошло в употребление довольно поздно. Оно происходит от слова «Синдху» — старого наименования реки Инд. Этим словом и производным от него («Индостан», «индус») обозначали народы, жившие по ту сторону от реки Инд, те, кто проживал в Западной или Центральной Азии. Для последователя индуизма более употребительны при обозначении своей веры такие слова, как «санатана дхарма» (т.е. вечная дхарма), или «арья дхарма» (т.е. арийская дхарма, дхарма ариев). Под такое определение вместе с тем подпадают джайны и буддисты, поскольку «арья дхарма» охватывает собой все верования, зародившиеся в Индии. Начиная с XIX в. термин «арья дхарма» используется особенно широко, поскольку слово «хинду» и производные от него («индуизм») ассоциировались с персидской традицией. Вивекананда часто говорит о своем вероучении как о «дхарме ариев», «брахманизме», «индуизме», не делая различия между этими терминами и связывая их все с собственно индуизмом на разных этапах его исторического развития.

лишь в религиозных текстах и церемониях побежденных и ненавистных индусов, и, как таковой, этот язык был вынужден влачить жалкое существование в обиходе жреца-изгоя. Сам же жрец, осколок брахманской власти, оказался вынужденным прибегать к последнему источнику — отправлению сравнительно малозначительных семейных обрядов, таких, как свадьбы и т. п., да и то постольку, поскольку ему позволяла делать это милость мусульманских правителей.

В ведийский и непосредственно следующий за ним периоды царская власть не могла полностью проявить себя в силу постоянного сдерживающего давления жреческой власти. Мы уже имели возможность убедиться, как во времена возвышения буддизма, имеющего следствием крушение брахманской власти, царская власть достигла своего зенита. Мы имели также возможность убедиться, как в период между падением буддийской и возвышением магометанской империй, царская власть пыталась вновь поднять голову при посредничестве раджпутов и как она потерпела в этой попытке фиаско. В основе этой неудачи также прослеживается то же самое извечное стремление ведийского жреческого класса вернуть и возродить к новой жизни свои изначальные (ритуалистические) времена.

Сокрушив под своей пятой брахманское величие, мусульманские правители в значительной мере преуспели в восстановлении утраченной славы таких династий и императоров, как Маурьи, Гупты, Андхра и Кшатрапа¹⁶.

Таким образом, жреческая власть, которую пытались вновь возродить такие мудрецы, как Кумарила¹⁷, Шанкара и Рамануджа, которая на протяжении известного времени поддерживалась силой оружия раджпутов и пыталась заново построить здание своей иерархии, используя падение своих противников джайнов и буддистов, — эта жреческая власть была при мусульманском правлении упокоена навеки, не зная более пробуждения. В этот период антагонизм, или вражда, наблюдается не между царями и жрецами, а между различными царями. В завершении этого этапа, когда индусская власть вновь подняла голову и преуспела в определенной степени в утверждении индуизма при помощи маратхов и сикхов, мы не обнаруживаем в связи с этими изменениями сколько-нибудь существенных проявлений этой жреческой власти. Напротив, когда сикхи принимают в свою секту какого-либо брахмана, они прежде всего вынуждают его публично отказаться от своих прежних брахманских символов и принять общепринятые символы своей собственной религии.

Таким образом, веками продолжавшаяся борьба и взаимодействие этих двух сил завершились окончательной победой и воцарением на индийской земле на столетия царской власти в лице иностранных монархов, исповедующих религию, в корне отличную от религии страны. Но в конце этого магометанского периода на арене появилась совершенно новая сила и постепенно стала утверждаться во всех сферах жизни страны.

Эта сила настолько нова, ее природа и проявление настолько чужды индийскому уму, ее возвышение столь непостижимо, а ее энергия столь неодолима, что, хотя она и подчиняет себе полностью власть монархов и по сей день, лишь горстка индийцев осознает, что она в действительности представляет собой.

Мы говорим об оккупации Индии Англией.

Еще с глубокой древности слава о колоссальных богатствах Индии и ее богатейших ресурсах пробуждала во многих могущественных иностранных державах желание покорить ее. Фактически она неоднократно покорялась ими. Тогда почему же мы должны говорить, что оккупация Индии Англией есть нечто новое и доселе неизвестное индийцам?

С незапамятных времен индийцы имели возможность видеть, как самые могущественные цари трепетали под строгим взглядом жреца-аскета, освободившегося от мирских желаний и вооруженного духовной силой — силой мантр (священных формул), религиозных знаний и проклятий. Они, индийцы, также видели подданных, молчаливо повинующихся приказам своих могущественных и героических властителей, поддерживаемых армией и оружием, подобно стаду овец, трепещущих предо львом. Но чтобы горстка вайшьев (торговцев), несмотря на свои богатства всегда в благоговейном страхе пресмыкавшихся не только перед царем, но и перед любым членом царской фамилии, чтобы эта горстка людей могла объединиться, пересекать с целью торговли реки и моря, чтобы они смогли исключительно благодаря своим интеллекту и богатству постепенно превращать в марионетки веками существовавшие индусские и магометанские династии, более того, чтобы они могли равным образом покупать посты в правительстве своей собственной страны и использовать свои смекалку и знания в качестве могучего средства приумножения собственного богатства, — такого спектакля еще никогда не видели в Индии; невиданным представлением окажется и то, что наследники могущественной знати страны, о которой сам Господь устами величайшего поэта сказал людям: «Прочь, презренный! И ты еще смеешь быть тщеславным перед лицом дворянина», в не столь отдаленном будущем станут рассматривать как вершину человеческих амбиций быть направленными в Индию в качестве послушных служащих Ост-Индской компании. Такое зрелище действительно диковинка, невиданная доселе в Индии.

Во всех цивилизованных обществах и во все времена в зависимости от преобладания в людях в той или другой степени трех качеств — *саттвы*, *раджаса* и *тамаса* — всегда существовали четыре касты — брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. В зависимости от могучего веления времени их количественный состав и власть менялись в разные

¹⁶ Перечисляются династии, правящие в Индии в древности: Маурьи — начало правления — середина I тыс. до н. э.; Гупты — династия, правившая в Северной Индии начиная с IV в. до н. э.; Андхра — династия, правившая на Южном Декане и в ряде областей Западной Индии после падения империи Маурьев; Кшатрапа — династия, правившая в Северной и Западной Индии в середине II в. до н. э. С этими династиями традиция связывает благополучие и процветание индийцев.

¹⁷ *Кумарила Бхатта* — один из наиболее авторитетных комментаторов мимансы (VI-VII вв. н. э.).

времена и в разных странах. В некоторых из них в количественном отношении одна из этих каст могла преобладать над остальными, в какой-то период истории какой-либо класс может быть могущественнее другого. Но, внимательно изучая историю, мы понимаем, что в соответствии с законами природы этих каст, брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры в каждом обществе неизбежно сменяют друг друга у власти.

Во всех древних нациях — китайской, шумерской, вавилонской, египетской, халдейской, арийской, иранской, иудейской и арабской — в начальный период их истории верховная власть в обществе сосредоточивалась в руках брахмана, или жреца. В последующий период бразды правления переходят к кшатриям и возникают абсолютные монархии или режимы олигархического правления групп лиц. В современных западных нациях, с Британией во главе, возможность контроля в обществе впервые перешла в руки вайшьев, или торговых общин, обогащающихся на ниве коммерции.

Хотя Троя и Карфаген в древности, а также Венеция и другие небольшие торговые государства в сравнительно более недавние времена и достигали небывалого могущества, все же в них мы не наблюдаем подлинного возвышения власти вайшьев в настоящем смысле этого понятия. Строго говоря, в те древние времена только наследники престола обладали монополией в области коммерции, нанимая простых людей и своих слуг для того, чтобы заниматься торговлей, прибыль же от торговых операций они присваивали себе. Кроме этого небольшого числа людей, никому не разрешалось принимать участие в управлении государством или выражать свое мнение по вопросам, имеющим отношение к этому.

В древнейших странах, таких, как Египет, жреческая власть обладала непререкаемым авторитетом только на протяжении короткого периода времени, после чего она оказалась подчинена царской власти и в дальнейшем существовала уже в качестве ее придатка. В Китае царская власть, централизованная благодаря гению Конфуция, контролировала и направляла жреческую власть в соответствии со своей абсолютной волей на протяжении двадцати пяти столетий. Во время же последних двух веков всезнающие тибетские ламы, хотя они и были духовными наставниками царской фамилии, были вынуждены вести жизнь, полностью подчиненную во всех отношениях китайским императорам.

В Индии царская власть сумела одолеть жреческую и установить свое неоспоримое превосходство намного позже, чем это произошло в других цивилизованных странах, и поэтому формирование Индийской империи произошло много позднее того, как возникли Китайская, Египетская и Вавилонская империи. Только в случае с иудейским народом царская власть, отчаянно борющаяся со жречеством за превосходство, потерпела полное фиаско. Даже вайшьи не смогли добиться власти над иудеями. С другой стороны, простые угнетенные люди, пытавшиеся освободиться от жреческого ярма, оказались под гнетом внутренних распрей враждебных религиозных течений типа христианства и внешним давлением могущественной Римской империи.

Подобно тому как в те давние дни жреческая власть, несмотря на длительную борьбу, была покорена более могущественной царской властью, таким же образом и в более поздние времена многие царские троны были повержены в прах и многие скипетры разлетелись вдребезги под сокрушительными ударами вновь возникшей силы вайшьев. Те же немногие престолодержатели, которым все еще позволено осуществлять определенную власть в некоторых цивилизованных странах и выказывать свою царскую помпезность и пышность, полностью зависят от колоссальных богатств общин вайшьев — торговцев солью, маслом, сахаром и вином — и содержатся в качестве величественного и впечатляющего фасада, в качестве средства прославления истинно правящего класса — вайшьев.

Эта могущественная новая власть вайшьев, по чьей команде электричество в мгновение ока переносит послания от одного полюса к другому, чья дорога — обширный океан с громадными волнами, по чьему мановению грузы с легкостью доставляются с одного конца земного шара в другой и по чьему распоряжению трепещут великие монархи, — именно этот белый пенный гребень всепобеждающей власти вайшьев — подножие, на котором во всем свое величии располагается могущественный престол Англии.

Поэтому завоевание Индии Англией — это отнюдь не победа Христа или Библии, в чем нас часто пытаются убедить. Не похоже оно и на завоевание Индии моголами и патанами. За именем Господа Христа и Библией, за великолепными дворцами, тяжелой, потрясающей землю поступью армий, состоящих из боевых слонов, колесниц, кавалерии и пехоты, звуком боевых труб, горнов и барабанов, сиянием царского трона, — за всем за этим ощущается присутствие Англии, той самой Англии, чей боевой флаг — фабричная труба, чьи войска — торговцы, чье поле сражения — рынки мира и чья Императрица — сияющая богиня Судьбы. Именно поэтому я и говорил ранее о том, что завоевание Индии Англией является диковинным. О том, какие перевороты произойдут в Индии при ее столкновении с новой могучей силой и какие изменения ожидают Индию в будущем в результате этого столкновения, нельзя судить по ее прошлой истории.

Я уже говорил о том, что четыре касты — брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры — попеременно правят миром. В период, когда у верховной власти находится какая-либо из этих сил, совершаются определенные действия, причем некоторые из них служат во благо людям, а некоторые, напротив, имеют самые пагубные последствия.

Основа власти жрецов заключается в их интеллектуальной силе, а не в физическом могуществе или превосходстве оружия. Поэтому при верховенстве жреческой власти наблюдается значительное оживление интеллектуальной и

литературной деятельности. Каждое человеческое сердце всегда стремится к общению и ждет помощи от сверхчувственного духовного мира.

Доступ в этот мир невозможен для большинства человечества, только немногие великие души, кто может достичь совершенного контроля над своими органами чувств и кто обладает натурой с преобладающими качествами саттва гуны, преодолевают могучую стену материи и встречаются лицом к лицу со сверхчувственным, — только они знают пути, по которым оттуда исходят наставления, и только они могут указать туда дорогу другим. Эти великие души — жрецы, духовные пастыри, лидеры и движущая сила всех обществ.

Жрец знает богов и общается с ними, поэтому его самого почитают, как бога. Оставив все земные помыслы, он не нуждается в том, чтобы в поте лица зарабатывать свой хлеб. Самая лучшая пища и напитки преподносятся в жертву богам, жрецы же являются их зримым воплощением на земле. Поэтому боги принимают эти дары через них. Сознательно или бессознательно общество предоставляет жрецу свободный досуг, поэтому он получает возможность медитировать и размышлять о высоких материях. Само развитие мудрости и знания начинается с возвышения жреческой власти. Именно жрец стоит между свирепым львом — царской властью, с одной стороны, и трепещущим стадом овец — его подданными, — с другой. Сокрушающий прыжок льва сдерживается скипетром духовной власти, находящимся в руках жреца. Пламя деспотической воли царя, опьяненного могуществом богатства и власти над людьми, способно испепелить все, стоящее на его пути, но достаточно лишь слова жреца, не обладающего ни богатством, ни властью над людьми, а имеющего лишь духовную силу, для того чтобы погасить это пламя деспотической царской власти, подобно тому как гасит вода любой огонь.

Именно с возвышением жреческого могущества мы наблюдаем первые ростки цивилизации, первую победу божественного начала над животным, первое торжество духа над материей и первое проявление божественной силы, присутствующей в каждом творении природы, которая превращает груды мяса в человеческое тело. Именно жрец был первым, кто отличил материю от духа, кто помог соединить этот мир со следующим, первым, кто донес до людей божественное слово и явился связующим звеном между царем и его подданными. Первые ростки всеобщего благосостояния и добра взлелеяны его духовной силой, его служением знаниям и мудрости, его отречением как жизненным кредо, окроплены даже его собственной кровью. Именно поэтому в любой стране его почитают прежде всего. Именно поэтому даже сама память о нем свята для нас!

Но существует также и зло. С развитием жизни одновременно сеются семена смерти. Тьма и свет всегда неразделимы. В самом деле, существуют злые силы, и, если их вовремя не обуздать, они могут привести к разрушению общества.

Грубое материальное проявление силы очевидно для всех; каждый видит, каждый осознает могущество этой силы на полях сражений, где скрещиваются мечи и копья, или при пожарах, уничтожающих собственность. Никто не сомневается в существовании этой силы, равно как никогда не возникает вопроса об ее истинности. Но в тех случаях, когда эта сила коренится и проявляется в духовной сфере, когда она сводится к особым словам, к особым методам их произнесения, к повторению особых магических слогов или к другим подобным процессам и формам умственной деятельности, тогда свет мешается с тенью, приливы и отливы нарушают неколебимость веры и даже в тех случаях, когда предметы видимы и ощущаемы, все же иногда возникает сомнение в их подлинности. Тогда, когда разочарование, страх, гнев, злоба, мстительность и другие подобные человеческие чувства, оставляя в стороне очевидную силу оружия, использование грубых физических методов ради достижения поставленной цели, понятной для всех, ставят на их место такие таинственные мыслительные процессы, как стамбхана, уччхатана, вашикарана и марана¹⁸, чтобы познать их плоды, — тогда облако неопределенности окутывает разум тех людей, которые живут и действуют в туманных мирах темного мистицизма. Разум такого человека не может определить ясного пути действия, и даже если он возникает в его сознании, то все равно искажается до неузнаваемости. В результате всего этого возникает чувство неуверенности — душевной ограниченности, и, что наиболее опасно, чувство крайней нетерпимости, рожденное злобной завистью к превосходству другого.

Жрец, естественно, задается вопросом: «Почему я должен расстаться с властью, которая подчиняет мне дэвов, дает мне контроль над физическими и духовными недугами, подчиняет мне привидения, демонов и других невидимых духов? Я купил эту власть дорогой ценой крайнего отречения. Почему я должен отдать другим то, ради чего мне пришлось отказаться от богатства, имени, славы, иными словами, от всех мирских благ и счастья?» Опять-таки эта власть полностью духовная. А как много возможностей таит в себе сокрытие ее в полной тайне! Запутавшись в этой цепи обстоятельств, человек становится неизбежно таким, каким он и должен стать; привыкнув к постоянной скрытности, он становится жертвой крайнего эгоизма и лицемерия и в конечном итоге оказывается не в состоянии сопротивляться ядовитым плодам этих качеств. Наступает время, когда стремление к скрытности приводит к обратному эффекту. Все знания, вся мудрость практически теряются из-за недостатка практики и должного распространения, а то малое, что при этом остается, считается почерпнутым из сверхъестественных источников, а посему не заслуживающим усилий для дальнейшего развития и приобретения новых научных знаний. Считается бессмысленным и

¹⁸ Здесь: магические заклинания, направленные на то, чтобы подавить, погубить человека, лишить его жизненных сил.

бесплезным предпринимать хоть какие-нибудь попытки использовать остатки старых знаний, очистив их от искажений. Таким образом, потеряв былую мудрость, былой неукротимый дух уверенности в себе, жрец сейчас прославляет себя исключительно на основе былых заслуг своих предшественников, безуспешно борется за то, чтобы сохранить в неприкосновенности ту же славу, те же привилегии, то же почитание и то же превосходство, которые были присущи его предшественникам. Отсюда проистекает его постоянная активная вражда с другими кастами.

В соответствии с законами природы там, где бы ни возникала новая, более сильная жизнь, она борется со старой, уходящей и стремится занять ее место. Сама природа способствует отмиранию старого и негодного и выживанию сильного, нового. Конечный результат такого конфликта между жречеством и другими классами уже упоминался нами.

Те самые отречение, самоконтроль и аскетизм жреца, которые во времена взлета его могущества использовались им ради поиска истины, во времена заката его славы вновь берутся на вооружение, но используются уже для накопления объектов, доставляющих удовольствие самому себе, и расширения своего превосходства над другими. Та самая власть, централизация которой в нем самом приносила ему славу и почитание, сейчас оказалась низвергнутой с заоблачных высот в глубины преисподней. Утратив видение цели, блуждая в потемках, жреческая власть, подобно пауку, запуталась в собственной паутине. Выковывающиеся с большим тщанием из поколения в поколение цепи, предназначавшиеся для того, чтобы опутать других, в настоящее время тысячами колец оплетают его самого и создают бесчисленные помехи его движению. Оказавшись пойманной в сеть бесконечных ритуалов, церемоний и обрядов, которая была сплетена ею для внешнего очищения тела и разума с целью опутать общество ее железными путами, жреческая власть была безнадежно связана по рукам и ногам и уснула в безысходности. Из этого состояния нет выхода. Разорви эту цепь, и оплот жречества будет разрушен до основания.

В каждом человеке, естественно, заложено стремление к прогрессу, и те, кто обнаруживает, что это стремление не может быть осуществлено до тех пор, пока он связан узами жречества, рвут эту сеть и начинают заниматься профессиями, свойственными другим кастам, с тем чтобы заработать себе на существование. Таких людей общество немедленно лишает всех жреческих прав. Общество не верит в брахманство так называемых брахманов, которые вместо того, чтобы носить шикху¹⁹, расчесывают волосы, которые, отказавшись от древних обычаев и традиций, одеваются в полуевропейское платье и воспринимают нововведения Запада в гибридной форме. В тех районах Индии, где этот пришелец — английское правительство — вводит новые формы обучения и открывает новые возможности обогащения, множество молодых брахманов отказываются от унаследованной жреческой профессии, зарабатывают себе на жизнь и становятся богатыми, освоив профессии других каст. В результате этого привычки и традиции жреческого класса, передаваемые из поколения в поколение, рассеиваются по ветру и быстро исчезают с лица земли.

В Гуджарате каждая средняя каста брахманов делится на две части — одну, которая продолжает быть приверженной жреческой профессии, и вторую, живущую благодаря другим профессиям. Там только первая часть, продолжающая заниматься жреческой профессией, именуется брахманами, а вторая, хотя ее представители и происходят по рождению от брахманов, не связывает себя брачными узами с первыми. Например, под термином «Нагара брахмана» понимаются лишь те брахманы, которые являются жрецами, живущими на подаяние. Те же, кто был принят на службу правительством, или те, кто занимается профессиями, характерными для касты вайшьев, именуется просто «Нагара». Складывается, однако, впечатление, что эти различия не будут существовать долго в Гуджарате. Даже сыновья «Нагара брахманов» получают сегодня английское образование и поступают на правительственную службу или начинают заниматься бизнесом, а ортодоксальные пандиты старой школы, испытывая материальные затруднения, посылают своих сыновей в колледжи английских университетов или рекомендуют им избрать профессии *вайшьев*, *каятхов* и других небрахманических каст. Если дело пойдет подобным образом, то, вне всякого сомнения, вполне серьезно встанет вопрос относительно того, как долго еще просуществует на индийской земле жреческий класс. Те, кто обвиняет отдельных людей или группы лиц в попытках разрушить господство жреческого класса; вместо того чтобы взглянуть на самих себя, должны знать, что в соответствии с непреложными законами природы каста брахманов сама своими руками воздвигает свой собственный склеп, и это не может быть иначе. Безусловно, хорошо и правильно, когда каждая каста высокого рождения и благородства считает своим долгом самой возводить свой погребальный костер. Сосредоточение власти столь же необходимо, сколь и ее рассредоточение, а возможно, и необходимо в большей степени. Сосредоточение крови в сердце есть неперемное условие жизни, прекращение же ее циркуляции в теле означает смерть. Для процветания общества абсолютно необходимым является концентрация в определенные периоды времени всей власти и знаний в рамках определенных семей или каст за счет других. Но эта концентрация должна иметь свои временные рамки, с тем чтобы в будущем распространиться на все общество. Если же этого рассредоточения не произойдет, разрушение самого общества в таком случае не за горами.

С другой стороны, царь подобен льву, в нем присутствуют в равной мере присущие царю животных благие и злые склонности. Его ужасные когти никогда не устают терзать сердца невинных животных, питающихся листьями и травой, никогда не утихает его жажда крови, когда подвернется удачный случай. И все же, как говорят поэты, старый и

¹⁹ Шикха — священный пучок или локон, оставляемый невыбранным на макушке головы.

умирающий от голода лев никогда не тронет даже слабую лисицу, ищущую защиты у него. Если подчиненные классы в какой-то период времени выступают препятствием на пути удовлетворения желаний царского льва, их смерть предопределена, если же они смиренно подчиняются его приказам — они в полной безопасности. Более того. Не говоря уже о древних временах, даже в наши дни ни в одной стране нет такого общества, где бы эффективность индивидуального самопожертвования ради блага других или единство цели и устремлений, побуждающее каждого члена общества действовать ради блага всех, полностью бы реализовались. Отсюда возникает необходимость в царях, которые сами по себе суть порождения общества. Они суть центры, в которых все общественные силы, иначе рассредоточенные, сходятся в одну точку и откуда они затем начинают действовать в политике и обществе.

Подобно тому как во времена брахманского превосходства на начальных этапах наблюдается пробуждение первых импульсов к приобретению знаний, а впоследствии развитие этих импульсов постоянно и тщательно культивируется, так же и во времена господства кшатриев на первых порах обнаруживается сильное стремление к тому, чтобы предаваться удовольствиям, которые впоследствии ведут к возникновению и развитию наук и искусств, как средств их прославления. Разве может царь в зените своей славы спрятать свое гордое чело в домах бедняков? И может ли всеобщее благо его подданных способствовать удовлетворению его царских appetитов?

Его достоинство не выдерживает сравнения ни с чьим более на земле, он есть воплощение божественного начала в храме человеческого тела, и поэтому для простого человека даже один взгляд на объекты царского удовольствия уже есть большой грех, не может быть и речи о том, чтобы помышлять об обладании ими. Само тело царя не такое, как тела других людей, оно слишком свято и не может быть никоим образом осквернено, в некоторых же странах даже полагают, что оно не подвластно законам смерти. Ореол такой же святости окружает и царицу, и поэтому ее тщательно охраняют от взглядов простых смертных, и даже солнце не имеет права взглянуть на ее красоту. Поэтому тростниковые хижинки уступили место роскошным дворцам. Сладкие, гармоничные звуки виртуозной музыки, льющиеся как будто с небес, заглушили беспорядочный жаргон толпы. Чудесные сады, благоухающие рощи, прекрасные галереи, очаровательные картины, изысканные скульптуры, красивые и дорогие одеяния стали шаг за шагом вытеснять естественную красоту тенистых лесов и грубую одежду деревенских жителей. Тысячи талантливых людей оставили свою утомительную работу земледельца и обратили внимание на новое поприще искусства, где они получили возможность реализовать свой интеллект в менее утомительной и более легкой форме. Деревни утратили былое значение, и вместо них поднялись города.

И опять-таки в Индии царственные особы, насладившись земными удовольствиями до полного удовлетворения, на склоне лет стали испытывать большую усталость от земных дел, которая неизбежно воспоследовала как результат доведенного до крайности чувственного наслаждения, и таким образом, устав от земных удовольствий, они удалились в преклонном возрасте в уединенные леса и начали размышлять там о глубинных проблемах жизни. Результаты такого отречения и глубокой медитации были отмечены печатью откровенного неприятия грандиозных церемоний и ритуалов и полного посвящения высшим духовным истинам, воплощение которых мы находим в Упанишадах, «Гите», джайнистских и буддийских текстах. Здесь вновь возник острый конфликт между жреческой и царской властью. Исчезновение отдельных ритуалов и церемоний наносило смертельный удар по жреческой профессии. Поэтому, естественно, во все времена и во всех странах жрецы собирают все силы и стремятся во что бы то ни стало сохранить древние обычаи и традиции, тогда как на другом полюсе им противостоят цари, подобные Джанаке²⁰, поддерживаемые доблестью кшатриев и духовной силой. Мы уже достаточно полно остановились на этом крайнем антагонизме между упомянутыми двумя силами.

Подобно тому как жрец поглощен стремлением сконцентрировать все знания и науки в едином центре, то есть в самом себе, так же и царь всегда пытается собрать все земные силы и сфокусировать их в единой точке, иначе говоря, на своей собственной персоне. Безусловно, оба они полезны обществу. В определенные периоды времени оба они нужны для общественного блага, но это верно только в отношении общества, которое находится в младенческой стадии. Но если пытаться силой втиснуть общество, которое уже миновало младенческую стадию и вступило в пору зрелой юности, в одежды, которые годились ему в младенчестве, и держать его в этих тесных рамках, то оно либо своими собственными силами разорвет эти путы и будет стремиться к прогрессу, либо, если это не удастся, повернет свои стопы назад и постепенно возвратится к примитивному варварскому состоянию.

Цари подобны для своих подданных родителям, подданные — дети царя. Подданные должны во всех отношениях с уважением относиться к своему царю и проявлять во всем полное послушание ему, царь же должен править ими с беспристрастной справедливостью, заботиться об их благосостоянии и относиться к ним так же, как к своим детям. Те же самые правила, действующие в рамках отдельно взятой семьи, применимы и в отношении всего общества, ибо

²⁰ Царь Джанакя был известен своей праведностью и ученостью. Его имя часто встречается в поздневедийской литературе. Традиция связывает с ним государство Видеху, расположенное в северной части современного Бихара. В его царстве, согласно традиции, жили великие мудрецы, в том числе и мудрец Яджнявалкья, о котором говорится в Брихадараньяка-упанишаде и Каушитаки-упанишаде. О Джанаке упоминается в Бхагавадгите как о царе-мудреце, достигшем высшего знания не аскезой, а исполнением своего долга правителя государства, Бхагавадгита, III, 20.

общество есть не что иное, как объединение отдельно взятых семей. Если верно древнее правило, гласящее, что, «когда сын достигает шестнадцатилетнего возраста, отец должен относиться к нему, как к другу и равному», то разве младенческое общество никогда не достигает шестнадцатилетнего возраста? В истории мы находим немало свидетельств тому, что в определенный период времени общество достигает своей зрелости, и тогда возникает острый конфликт между правящей властью и простыми людьми. Жизнь общества, его развитие и путь к цивилизованности зависят от победы или поражения в этом противоборстве.

Подобные изменения, революционизирующие общество, вновь и вновь происходили в Индии, только здесь они совершались во имя религии, ибо религия — это жизнь Индии, язык этой страны и символ всех движений. Чарваки, джайны, буддисты, Шанкара, Рамануджа, Кабир, Нанак, Чайтанья, Брахмо и Арья Самадж²¹ — у всех у них и им подобных религиозная волна, пенясь, грохоча, вздымаясь, прорывается на первый план, тогда как на втором плане проявляются социальные аспекты. Если все желания могут быть осуществлены с помощью произнесения неких бессмысленных заклинаний, то кто будет прилагать усилия к тому, чтобы преодолевать трудности ради их осуществления? Если эта болезнь проникает во все поры социального организма, то общество становится инертным и неспособным на действия и быстро движется к разрушению. Отсюда сокрушительный сарказм чарваков, которые верили лишь в реальность чувственного восприятия и ни во что более. Что могло бы спасти индийское общество от тяжелого бремени всевозможных ритуалистических обрядов с различного рода жертвоприношениями, которые убивают в нем все живое, кроме джайнской революции, сделавшей упор на строгой морали и философской истине? Или что могло бы без буддийской революции освободить угнетенные миллионы низших классов от насильственной тирании могущественных высших каст? Когда с течением времени буддизм пришел в упадок и его чрезвычайно чистый моральный характер уступил место столь же порочной, нечистой и аморальной практике, когда индийское общество содрогнулось под тяжестью дьявольского танца различных варварских племен, допущенных в лоно буддизма благодаря его универсальному всеобъемлющему духу равенства, — тогда Шанкара, а позднее Рамануджа появились на авансцене и приложили все усилия к тому, чтобы вернуть общество назад, к былой славе, и восстановить его былой статус. Вне всякого сомнения, если бы не появились Кабир, Нанак и Чайтанья в магометанский период и если бы в наши дни не были основаны общества Брахмо и Арья Самадж, то к настоящему времени магометане и христиане значительно превзошли бы по численности индусов в теперешней Индии.

Разве может быть что-либо лучше для физического развития организма и совершенствования умственных способностей, чем питательная пища? Но если эта пища, которая служит для поддержания жизни в организме и укрепления разума, не усваивается правильно и естественные функции организма нарушаются, то сама эта пища становится источником всех зол.

Жизнь индивида неотъемлема от жизни всего целого, счастье индивида заключается в счастье всего целого, вне последнего сама жизнь индивида невообразима — это вечная истина и фундамент, на котором покоится вся вселенная. Единственный долг индивида состоит в медленном продвижении к бесконечному целому, воспитании в себе чувства симпатии и единства с ним, ощущения удовлетворения, когда оно счастливо, и неудовлетворения, когда оно несчастливо. В этом не только его долг, в нарушении этого его смерть, в то время как следование этой великой истине приводит к бессмертию. Это закон природы, и кто может запорошить пылью ее всевидящие очи? Никто не может ввести в заблуждение общество и обманывать его на протяжении длительного периода времени. Сколько бы грязи и отбросов ни накопилось на поверхности общества, все равно под этими завалами мы обнаруживаем его жизнетворное дыхание, пульсирующее в унисон с колебаниями универсальной любви и самоотреченного сострадания к каждому. Общество подобно земле, которая смиренно терпит постоянное насилие, но пробуждается в один прекрасный день, как бы долго его ни ждать, и мощными толчками при своем пробуждении далеко отбрасывает накопившуюся в течение миллионов лет смирения и покоя грязь себялюбивого убожества!

Мы игнорируем эту возвышенную истину и, хотя тысячи раз страдаем от нашего невежества, все же в силу нашей абсурдной глупости, внедренной в наше сознание варварами, не верим в нее. Мы стремимся обмануть, но тысячи раз обнаруживаем, что бываем обмануты сами, и все же упорствуем в наших попытках. Глупцы, мы пытаемся обмануть природу! В нашей близорукости мы полагаем, что в служении собственному «Я» любой ценой заключается суть и конечная цель жизни.

²¹ Перечисляются имена религиозных деятелей средневековья и религиозно-реформаторские общества Нового времени. *Кабир* (1440 — 1518) — один из наиболее влиятельных представителей бхакти, оставивший после себя много поэтических произведений, распространяющихся изустно в простом народе. Кабир выступал с призывами к единению индусов и мусульман на основе вероучения, вобравшего в себя элементы обеих религий. *Нанак* (1469 — 1539) — известный поэт и религиозный деятель Пенджаба. С его именем связывается образование сикхизма, учения, соединяющего многие элементы индуизма и ислама. Часто сикхизм называют «индуизированным исламом» или «исламизированным индуизмом». Поэтическое наследие Нанака входит в состав священной для сикхов книги «Адигрантх». *Чайтанья* (1486 — 1539) — бенгальский проповедник, соединивший в своем учении идеи бхакти и вишнуитского культа Кришны. *Брахмо Самадж* — религиозно-реформаторское общество в Бенгалии; *Арья Самадж* — в Пенджабе.

Мудрость, знания, богатство, люди, сила, доблесть и все другое, что собирает природа и представляет в наше распоряжение, служат лишь для распространения, когда в том возникает необходимость. Мы часто забываем об этом, наклеиваем ярлык «только мое» на вверенные нам ценности и, таким образом, своими собственными руками готовим себе уничтожение!

Царь, средоточие сил своих подданных, вскоре забывает о том, что эти силы находятся лишь в его временном пользовании и что он может приумножить их и в тысячи раз увеличить их возможности, с тем чтобы они могли бы распространиться на все общество ради его блага. Считая себя воплощением всего божественного, в непомерной гордыне цари, подобные Вене, считают других людей ничтожными отбросами человечества, которые должны пресмыкаться перед ними, любое противоречие их воле, будь оно правильное или неправильное, рассматривают как величайший грех со стороны подданных. Поэтому защита уступает место угнетению. Вместо того чтобы оберегать своих вассалов, царь пьет их кровь. Если общество слабо и истощено, оно молча сносит все злоупотребления царя, и, как естественное следствие, сам царь и все общество опускаются все ниже и ниже и впадают в состояние полной деградации, становясь легкой добычей любой более сильной нации. Там, где общество здорово и сильно, вскоре возникает ожесточенное противоборство между царем и его подданными, которое в итоге сметает скипетр и корону, сам же трон и царские регалии превращаются в пустые безделушки, хранящиеся в музеях.

В результате этого противоборства и как реакция на него возникает могущественная власть вайшьев, перед грозным взором которых коронованные особы, повелители героев, трепещут, подобно осиновому листу, на их тронах, за которыми смиренно следуют нищие и принцы в надежде получить золотую чашу из их рук, которая, подобно плодам Тантала, постоянно ускользает от них.

Брахман говорит: «Знание есть самая могучая из всех сил, знание зависит от меня, и поэтому общество должно следовать моим предначертаниям». Когда-то так Оно и было. Кшатрий говорит: «Если бы не сила моего меча, то где бы ты был, о брахман, со всеми твоими силами знания? Тебя бы мгновенно стерли с лица земли. Только я один всемогущ». Сверкающий меч выхвачен из звенящих ножен — и общество смиренно склонило свою голову перед ним. Вайшья говорит: «Вы глупцы! То, что вы называете лучезарным вездесущим божеством здесь, в моих руках, — это сияющее золото, всемогущий sovereign. Смотрите, благодаря его силе я тоже всемогущ. О брахман! Даже сейчас с его помощью я куплю всю твою мудрость, учение, молитвы и медитации. И о великий царь! Твой меч, оружие и доблесть будут с помощью моего золота поставлены на службу моим личным интересам. Видишь ли ты эти величественные и грандиозные фабрики? Это мои ульи. Смотри, как миллионные рои пчел — шудр — неумоимо собирают в них мед. Знаешь ли ты, для кого? Для меня, это я в нужное время выжму из них каждую его каплю для своего пользования и выгоды».

Подобно тому как во времена могущества брахманов и кшатриев наблюдались концентрация знания и развитие цивилизации, результатом превосходства вайшьев явилось накопление богатства. Власть вайшьев заключается в обладании той монетой, очаровывающий звон которой оказывает непреодолимое воздействие на умы всех четырех каст. Вайшья всегда пребывает в страхе, как бы брахман не лишил его этой единственной собственности и как бы кшатрий не отобрал у него ее силой своего оружия. Поэтому в общих интересах самосохранения вайшьи как группа едины. Вайшья распоряжается деньгами, те же выгоды, которые он может извлечь из непомерной заинтересованности других в пользовании ими, подобны кнуту в его руках, есть его могущественное оружие, внушающее страх в сердцах всех. С помощью власти денег он всегда стремится ограничить царскую власть. Купец всегда строго следит, чтобы царская власть не стала препятствием на пути его обогащения. Кроме всего прочего, он в не меньшей степени заинтересован в том, чтобы царская власть не перешла в руки шудр.

Можно ли назвать страну, куда бы не ездил купец? Будучи сам невежествен, он ведет свою торговлю и переносит вместе с тем знания, мудрость, искусство и науку одной страны в другие. Мудрость, цивилизация и искусства, накопленные в сердце социального организма во времена брахманского и кшатрийского превосходства, распространяются во всех направлениях по артериям торговли к рынкам вайшьев. Если бы не возвышение власти вайшьев, кто бы тогда сегодня доставил культуру, знания, достижения, предметы роскоши и питания из одного конца света в другой?

А где же те, благодаря физическому труду которых только и возможно влияние брахманов, доблесть кшатриев и богатство вайшьев? Какова история тех, кто, представляя собой действительную основу общества, во всех странах считается низким по рождению, тех, для кого добрая Индия уготовливает мягкие наказания типа «отрезать язык, изрубить в куски» или другие им подобные за такие ужасные преступления с их стороны, как попытки получить хотя бы часть знаний и мудрости, монополизированных другими высшими кастами? Где те «ходячие трупы» Индии и «жалкие отродья» других стран — шудры, какова их участь в жизни? Что сказать об Индии? Оставим в покое ее шудр — ее брахманы, которые владеют письменными знаниями, сейчас иностранные профессора, ее кшатрии — правящие англичане, вайшьи — также англичане, пронизанные до мозга костей инстинктом торговли, так что только участь шудр — жалких отродий — уготована для индийцев.

Облако непроницаемой темноты равным образом окутывает в настоящий момент всех нас. Нет сейчас ни твердости в достижении цели, ни смелой инициативы, ни мужества в сердце, ни прочности убеждений, ни отвращения к дурному обращению с нами, ни неприятия рабства, ни любви в сердцах, ни надежды, ни человечности; все, что мы

имеем в Индии,— это глубоко укоренившаяся зависть и чувство сильной антипатии друг к другу, болезненное желание унижать и оскорблять слабого и лизать, подобно псу, ноги сильного. Сейчас высшее удовлетворение состоит в демонстрации богатства и власти, служение — в обеспечении удовольствий самому себе, мудрость — в накоплении преходящих ценностей, йога — в отвратительной дьявольской практике, работа — в порабощении других, цивилизация — в имитации иностранных государств, ораторское искусство — в употреблении бранных слов, достижения литературы — в лести богатым или в распространении ужасающей непристойности. Что говорить в отдельности о группе шудр такой страны, где все население фактически низведено до этого уровня? Похоже на то, что шудры в других странах начинают понемногу пробуждаться, но им не хватает должного образования, и они обладают лишь общей ненавистью к людям своего же класса — чертой, характерной для шудр. Что из того, что по численности они значительно превосходят другие группы? То единство, благодаря которому десяток людей может приобрести силу миллионов, пока еще далеко не в их силах, а поэтому, согласно законам природы, шудры неизбежно представляют собой подчиненную расу.

Но есть надежда. Могучая поступь времени низводит брахманов и другие высшие касты до статуса шудр, а шудры поднимаются на высшие позиции. Европа, представляя собой когда-то землю шудр, порабощенных Римом, сейчас полна кшатрийской доблести. Даже на наших глазах могущественный Китай семимильными шагами опускается до царства шудр, в то время как некогда незначительная Япония, поднимаясь подобно ракете, отбрасывает свою былую природу шудр и быстро вступает в права более высших каст. Приобщение современной Греции и Италии к качествам кшатриев и упадок Турции, Испании и других стран также заслуживают внимания.

И все же придет время, когда поднимется каста шудр, с присущими ей качествами, иными словами, не так, как сейчас, когда шудры становятся великими, приобретая характерные черты вайшьев или кшатриев. Придет время, когда шудры всех стран, с присущими им от рождения качествами и природой — не становясь по сути своей кшатриями или вайшьями, но оставаясь шудрами,— завоюют абсолютное превосходство во всех странах.

Первые проблески зарождающейся зари этой новой силы уже начали появляться над западным миром, и мыслящие люди теряются в догадках, размышляя о конечном результате этого нового феномена. Социализм, анархизм, нигилизм и другие подобные течения — авангард социальной революции, которая должна последовать. С незапамятных времен в результате сокрушительного подавления и тирании шудры, как правило, были либо низкоподобострастны, пресмыкаясь, подобно псу, у ног высших классов, либо бесчеловечны, подобно дикому зверю. Во все времена их надежды и устремления не оправдываются, и поэтому у них нет ни чувства решимости в достижении цели, ни упорства в действиях.

Несмотря на распространение образования на Западе, на пути возвышения класса шудр стоит серьезное препятствие, заключающееся в признании кастовости, предопределенной от рождения наличием в большей или меньшей степени хороших и дурных качеств. Именно благодаря этой качественно предопределенной кастовой системе, возникшей в Индии в древности, класс шудр оказывается связанным по рукам и ногам. В первую очередь шудрам едва ли предоставляется хоть какая-либо возможность для приобретения богатства или соответствующих знаний и образования. К этому невыгодному положению следует добавить, что, если когда-либо и родится среди класса шудр человек, обладающий необычайными способностями или гениальностью, влиятельные высшие круги общества тотчас же осыпают его всяческими почестями и поднимают его до своего собственного круга. Его богатство и сила интеллекта ставятся на службу чуждой касте, и члены его собственной касты не получают никакой выгоды от его достижений. Более того, никчемные люди, подонки и отбросы высших каст отторгаются и выбрасываются в класс шудр, пополняя их численность. Васиштха, Нарادا, Сатьякама Джабала, Вьяса, Крипа, Дрона, Карна и другие люди сомнительного происхождения²² поднялись до ранга брахманов и кшатриев благодаря своим блестящим знаниям и доблести, но возникает вопрос: насколько от этого выиграли проститутки, слуги, рыбаки и возницы? С другой же стороны, изгой каст брахманов, кшатриев и вайшьев всегда опускались до положения шудр.

В современной Индии никто из родившихся от родителей шудр, будь он миллионер или великий пандит, не имеет права вырваться за пределы своей общины, поэтому его богатство, интеллект и мудрость ограничены кастовыми рамками и служат таким образом улучшению положения дел его собственной общины. Эта наследственная кастовая система Индии, будучи не в состоянии разорвать свои собственные узы, медленно, но верно служит улучшению состояния людей, вращающихся в одном и том же кругу. Улучшение положения низших классов будет продолжаться, пока Индия управляется правительством, обращающимся со своими подчиненными вне зависимости от их кастовой и иной принадлежности.

Будет ли лидерство в обществе в руках тех, кто монополизировал знания, или тех, кто обладает силой богатства или оружия, источник их могущества всегда заключается в подчиненных массах. Насколько класс, находящийся у власти, порывает с этим источником, настолько он неизбежно становится слабее. По странной иронии судьбы или неисповедимым законам действия майи те, от кого прямо или косвенно почерпнута эта сила, — честными или нечест-

²² Более обстоятельные сведения о них содержатся в следующих источниках: РВ, VII, 33, 11 — 13; Чхан.-уп., IV, 4, 5; Бхаг. пурана, I, 6; Мбх., I, 174 и др.

ными методами — путем обмана, хитрости, насилия или добровольного дара, — вскорости перестают приниматься во внимание правящими классами. Когда с течением времени брахманская власть полностью изолировала себя от подчиненных масс, главной движущей силой ее могущества, она была свергнута царской властью, основывающейся на силе подчиненных масс. И опять-таки царская власть, посчитавшая себя полностью независимой, создала все увеличивающуюся пропасть между собой и подчиненными массами, в результате чего оказалась полностью обессиленной и стала игрушкой в руках вайшьев, которые в настоящий момент преуспели в обеспечении себе сравнительно большей поддержки масс людей. Вайшьи в настоящий момент достигли чего хотели, и поэтому сейчас они не дают себе труда снизить до того, чтобы рассчитывать на помощь подчиненных масс, и делают все возможное, чтобы отмежеваться от них, тем самым сея семена разрушения и этой власти.

Будучи сами источником всех сил, подчиненные массы, создавая вечную пропасть между собой, оказываются лишенными всех своих законных прав, и они будут находиться в таком положении до тех пор, пока будет сохраняться подобный тип отношений.

Общая опасность или подчас общий источник ненависти или любви есть узы, которые объединяют людей. По тем же самым законам природы, которые заставляют диких животных объединяться в стаю, люди также объединяются в единую общность и создают свою собственную касту или нацию. Горячая любовь к своему народу и стране, демонстрация чувства жгучей ненависти к другой (подобно тому как это было в Греции в отношении к Персии, в Риме — к Карфагену, у арабов — к неверным, в Испании — к маврам, во Франции — к Испании, в Англии и Германии — к Франции, в Америке — к Англии) есть, безусловно, одна из основных причин, которая ведет к превосходству одной нации над другой путем объединения в ненависти к врагу.

Любовь к себе есть первый учитель самоотречения. Ради соблюдения собственного интереса обращают свой взор прежде всего к обеспечению благосостояния всего целого. Интерес каждого заключается в интересе своей нации, благосостояние каждого заключается в благосостоянии всей нации. Без сотрудничества многих, что бы мы ни говорили, даже самозащита становится невозможной. Соединение дружественных рук во взаимной помощи ради защиты собственного интереса наблюдается в каждой нации и в каждой стране. Безусловно, круг этих личных интересов различен у разных людей. Размножаться и иметь возможность хоть как-то влачить жалкое существование, более того, соблюдать условия, при которых религиозные деятели высших каст не пострадали бы каким-либо образом, есть величайшее завоевание и интерес для индийцев. Для современной Индии невозможно представить себе лучшей надежды, это последняя ступень лестницы жизни Индии.

Современное правительство Индии имеет определенные недостатки, но оно обладает также значительными достоинствами и позитивными чертами. Величайшим благом следует считать, что со времени падения династии Паталипутры до наших дней Индия никогда не находилась под влиянием такого могущественного правительственного аппарата, как английский, распространившего свое господство на все уголки страны.

Подобно тому как объекты торговли благодаря присущим вайшьям энергичным действиям перемещаются из одного конца света в другой, так, в виде естественного следствия этого, идеи и мысли различных стран проникают во все поры индийского общества. Из этих идей и мыслей некоторые в высшей степени выгодны ей, другие вредны, в то время как некоторые обнаруживают невежество и неспособность иностранцев определить, что является в действительности благом для населения этой страны.

Но сквозь массу того, что может быть благим или вредным, пробивается нечто такое, что может считаться будущим символом процветания Индии, — результат действия и взаимодействия между ее древними национальными идеалами, с одной стороны, и вновь привнесенными чуждыми идеалами иностранных государств — с другой; Индия медленно и плавно просыпается от долгого сна. Она может ошибиться — пусть, в этом нет беды, поскольку все наши действия, заблуждения и ошибки есть наши учителя. Только тому открывается путь истины, кто совершает ошибки. Деревья никогда не делают ошибок, равно как и камни никогда не впадают в заблуждение, животные ошибаются редко — когда нарушают установленные природой законы, но человеку свойственно заблуждаться, и только человек может стать богом на земле. Если каждое наше действие с младенческого возраста до смертного одра, если каждая наша мысль с момента пробуждения до отхода ко сну в полночь будет предписана и предопределена за нас в мельчайших подробностях другими и при этом будет использована угроза царского меча, чтобы держать нас в этих предписанных рамках, — тогда что же останется нам для самостоятельного размышления о самом себе? Почему человек становится гением, мудрецом? Разве не потому, что думает, размышляет, желает? Без практики сила глубокого размышления напрасна. Преобладает дух тамаса, ум становится вялым и инертным, дух низводится до уровня материи. И все же даже сейчас каждый религиозный проповедник и социальный лидер стремится сформулировать новые законы и правила для руководства обществом. Разве нашей стране не хватает правил? Разве их недостаточно? Под гнетом этих законов вся нация в целом находится на грани исчезновения — кто остановится и задумается над этим?

В условиях абсолютной и деспотической монархии правящая власть не обращается с покоренными народами с таким презрением. При такой форме абсолютного господства права всех подчиненных равны, иными словами, никто не имеет никакого права подвергать сомнению или пытаться контролировать действия правящего монарха. Таким образом, остается совсем немного места для каких-либо специальных привилегий по кастовому или иному признаку.

Но там, где монархия контролируется со стороны правящей верхушки или где люди управляются республиканским правительством, там возникает существенный разрыв между правящими и управляемыми, и большая часть той силы, которая существует исключительно ради увеличения благосостояния правящих классов и способна в короткое время принести им всяческие блага, тратится правительством в попытках удержать подчиненные народы под своим нераздельным контролем. В Римской империи благодаря этому обстоятельству подчиненные иностранные народы были более счастливы, чем в Римской республике. Именно благодаря этому святой Павел, христианский апостол, хотя и происходил родом из подчиненной иудейской нации, получил разрешение обратиться к римскому императору Цезарю, с тем чтобы тот разобрался в обвинениях, выдвигаемых против него. Мы ничего не теряем и ничего не выигрываем от того, что некоторые англичане называют нас «дикарями» или «ниггерами». Мы сами благодаря кастовому делению с еще большими чувствами ненависти и вражды относимся друг к другу, и кто может с уверенностью утверждать, что брахман, поддерживаемый каким-либо недалеким и непросвещенным царем-кшатрием, не будет снова пытаться «отрезать языки шудрам и отрубить им руки и ноги»? То обстоятельство, что недавно в восточной Арьяварте люди разных каст, кажется, стали с большей симпатией относиться друг к другу в их стремлении улучшить свои социальные условия, а также тот факт, что в стране маратхов брахманы начали распевать пеаны во славу маратхской нации, — низшие касты не могут считать результатом чистой незаинтересованности²³.

Но в умах английской публики постепенно укрепляется осознание того, что утрата Индийской империи будет иметь самые отрицательные последствия для английской нации и в конечном счете приведет к ее разрушению, поэтому британское владычество в Индии следует сохранить любой ценой. Они полагают, что этого можно достичь, поддерживая превыше всего в сердцах индийцев веру в престиж и славу английской нации. Смешно и грустно одновременно наблюдать, как эти нелепые и жалкие чувства получают распространение в среде англичан и как они совершенствуют способы проведения этих чувств в жизнь. Похоже на то, что англичане, живущие в Индии, забыли о том, что до тех пор, пока та стойкость, та настойчивость и то необычайное национальное единство цели, благодаря которым англичане приобрели Индийскую империю, и тот вечно бодрствующий коммерческий гений, подкрепляемый достижениями науки, который превратил даже Индию, мать всех богатств, в типичный английский рынок, — до тех пор, пока эти качества не исчезнут из национальной жизни, их трон в Индии останется неколебим. До тех пор, пока эти качества остаются неотъемлемыми чертами английского характера, пусть хоть тысячи индийских империй будут утрачены — тысячи будут вновь приобретены. Но если мощный поток этих качеств иссякнет, можно ли будет управлять империей с помощью простого прославления британского престижа и славы? Поэтому до тех пор, пока эти выдающиеся черты характера являются преобладающими в англичанах как нации, совершенно бессмысленно тратить столь много энергии и сил ради сохранения бессмысленного «престижа». Если бы эту силу употребить на обеспечение благосостояния подданных, это было бы, безусловно, большим благом как для правящей, так и для подчиненной расы.

Уже говорилось о том, что Индия медленно пробуждается, приходя в соприкосновение с другими нациями, и в результате этого частичного пробуждения в современной Индии зарождается свободная и независимая мысль. С одной стороны, это западная наука, слепящая глаза сиянием мириадом солнц и катящаяся в колеснице строгих и бесспорных фактов, собранных благодаря применению осязаемых сил, направляемых на проникновение в суть явлений, с другой — это вселяющие и укрепляющие надежду традиции ее древних праотцев, сложившиеся, когда страна была в зените своей славы; те традиции, которые были донесены со страниц ее истории великими мудрецами этой и других стран, которые на протяжении бесчисленных лет и столетий струятся по ее венам, оживляя жизнь, черпаемую из универсальной любви, традиции, которые обнаруживают неодолимую доблесть, сверхчеловеческий гений и высшую духовность — завидные качества даже для богов, — и вселяют в нее надежду.

С одной стороны, грубый материализм, многообразие возможностей, сосредоточение гигантской власти, погоня за чувственными удовольствиями, доходящие до нас через иностранную литературу, породили грандиозную сумятицу, с другой — сквозь сумбурный шум всех этих нестройных звуков Индия слышит слабые, но отчетливо различимые душераздирающие крики своих древних богов, задевающие за живое. Перед ней лежат разнообразные предметы роскоши, дошедшие с Запада, — божественные напитки, дорогая, хорошо сервированная пища, роскошная одежда, величественные дворцы, новые способы передвижения, новые манеры, новые фасоны одежды, наряжаясь в которую ходит хорошо образованная девушка в бесстыдной свободе, — все это вызывает к жизни ранее не изведенные желания. И снова меняется сцена, и на ее месте возникают в суровой реальности Сита, Савитри²⁴, аскетические религиозные

²³ Речь идет о деятельности религиозно-реформаторских обществ, уделявших немало внимания смягчению жестоких норм кастового общения. С первой трети XIX в. в Индии начался процесс преобразования индуизма, приспособления его теории и практики к новым общественным потребностям. Один из зачинателей реформации, Р. М. Рай (1772—1833), был широко известен своей борьбой против практики самосожжения вдов; велик вклад в борьбу с ортодоксией К. Ч. Сена (1838—1883), Даянанды Сарасвати (1823—1883) и др. Их деятельность была многоплановой, и одним из наиболее заметных ее направлений была борьба за улучшение женского образования, за изменение их зависимого положения и пр.

²⁴ *Савитри* — героиня «Махабхараты»; почитается как идеал индусской жены, не отделяющей свою собственную жизнь от жизни мужа. Защищая мужа, Савитри не устала даже владыки царства мертвых — Яма. (Мбх., III, 277 — 283). О Сите см. примеч. 5.

обеты, посты, лесные скиты, спутанные волосы и оранжевые робы полуобнаженных саньяси, *самадхи*, поиски своего собственного «Я». С одной стороны, выступает независимость западных обществ, основывающаяся на личном интересе, с другой — крайняя степень самопожертвования арийского общества. Разве удивительно, что в результате этого острого конфликта индийское общество раскололось вдоль и поперек? На Западе цель — индивидуальная свобода, язык — образование ради получения денег, средства — политика, в Индии же цель — это *мукти*, язык — это Веда, средства — отречение. Временами современная Индия думает: «Похоже на то, что я трачу свою земную жизнь в напрасных ожиданиях сомнительного духовного блага в будущем, захватившего все мои помыслы», и вновь, чу! она смиренно слышит: «Здесь, в этом мире смерти и превратностей судьбы, в чем, о человек, твое счастье?»

С одной стороны, новая Индия говорит: «Мы должны быть полностью свободны в выборе жены и мужа, ибо женитьба, источник счастья или несчастья всей нашей будущей жизни, есть нечто, в чем мы должны иметь право собственного выбора». С другой стороны, старая Индия диктует: «Женитьба совершается не ради удовлетворения чувств, но ради продолжения рода. Это индийская концепция женитьбы. Производя на свет детей, вы вносите вклад и несете ответственность за будущее процветание или деградацию общества. Поэтому общество имеет право диктовать, на ком вы должны жениться, а на ком нет. Такая форма женитьбы принята в обществе, которое заботится о своем благе в наибольшей степени, и поэтому следует жертвовать своими желаниями индивидуального удовольствия ради блага многих».

С одной стороны, новая Индия говорит: «Только в случае, если мы воспримем западные идеи, западный язык, западную пищу, западную одежду и западные манеры, сможем мы стать такими же сильными и могучими, как западные нации». С другой стороны, старая Индия вещает: «Глупцы! Благодаря имитации чуждые идеи никогда не станут собственными, ничто незаработанное не может считаться своим. Разве осел в львиной шкуре становится львом?»

С одной стороны, новая Индия говорит: «То, что делают западные страны, безусловно, хорошо, иначе как бы они могли стать столь великими?» С другой стороны, старая Индия вещает: «Вспышка молнии необычайно ярка, но она длится лишь мгновение, осторожно, братья, она слепит вам глаза. Будьте бдительны!»

Разве нам нечему поучиться у Запада? Разве мы не должны стремиться и прилагать все усилия к тому, чтобы обрести нечто лучшее? Разве мы совершенны? Разве наше общество полностью безупречно и не имеет пороков? Есть многое, чему мы можем поучиться, мы должны бороться за обретение нового и более совершенного до самой смерти — борьба есть смысл человеческой жизни. Шри Рамакришна говорил: «До тех пор, пока я живу, до тех пор я учусь». Тот человек или то общество, которым нечему учиться, уже находятся в объятиях смерти. Да, мы должны многому поучиться у Запада, но существуют и опасности на этом пути.

Один молодой невежественный человек в беседах со Шри Рамакришной всегда отрицательно отзывался об индусских шастрах. Однажды он высоко отозвался о «Бхагавадгите». И по этому поводу Шри Рамакришна сказал: «Наверно, какой-либо европейский пандит похвалил «Гиту», и поэтому он тоже изменил свое мнение».

О Индия, в этом кроется великая опасность для тебя. Привычка имитировать Запад настолько прочно укоренилась в тебе, что проблемы того, что есть добро и зло, уже более не решаются при помощи разума, рассудка или ссылок на шастры. Те идеи, те обычаи, которые белые люди прославляют или любят, хороши, то, что они не любят или отвергают, — плохо. Увы! Можно ли найти более очевидное подтверждение глупости, чем это?

Западные женщины свободно ходят где угодно, поэтому это хорошо; они сами выбирают себе мужей, и поэтому это должно считаться высшим достижением; иностранцам не нравится наша одежда, убранство, пища и образ жизни, и поэтому их следует считать очень плохими, иностранцы осуждают поклонение образам как грех, и поэтому, естественно, поклонение образу есть величайший грех, в этом нет никакого сомнения!

Иностранцы говорят, что поклонение единому Богу есть высочайшее духовное благо, поэтому давайте выбросим всех наших богов в Ганг! Иностранцы считают, что кастовое деление есть отживший свой век предрассудок, поэтому давайте объединим все касты в одну! Иностранцы говорят, что источник всех зол заключается в браках детей, поэтому это тоже очень плохо, и это, без сомнения, так!

Мы не обсуждаем здесь, заслуживают ли эти обычаи сохранения или должны быть отвергнуты, но если простое неодобрение иностранцами наших манер и обычаев считается критерием их непривлекательности, то наш долг состоит в том, чтобы самым решительным образом протестовать против этого.

Автор этих строк в определенной мере лично знаком с жизнью на Западе. Его убеждение, сложившееся в результате приобретенного опыта, состоит в том, что между западным и индийским обществами существуют такие громадные различия в отношении первичных курса и цели, что любая секта в Индии, сформированная по западной модели, неизбежно потерпит фиаско в своих устремлениях. Мы не испытываем ни малейшей симпатии к тем, кто, никогда не живя на Западе и пребывая в полном неведении относительно правил и запретов на общение мужчин и женщин, существующих там и действующих в качестве предохраняющих механизмов, оберегающих чистоту западных женщин, все же открывает путь для ничем не ограниченных контактов мужчин и женщин в нашем обществе.

Живя на Западе, я имел возможность также видеть, как дети более слабых наций, будучи рожденными в Англии, выдают себя за англичан, вместо того чтобы называться греками, португальцами, испанцами и т. п., что на самом деле

соответствовало бы действительности. Все тянется к более сильному. Единственное желание слабого состоит в том, чтобы свет славы, которым сияют сильные, каким-либо образом упал и отразился на них самих, иначе говоря, чтобы они сами светились в отраженном свете великих. Когда я вижу индийцев, одетых в европейские одежды и костюмы, мне на ум приходит мысль о том, что, возможно, они стыдятся своей собственной национальной принадлежности и родства с невежественными, бедными, неграмотными, униженными людьми Индии. Смешиваясь узами кровного родства с индусами на протяжении четырнадцати столетий, парсы уже не могут более считаться «аборигенами». Перед самонадеянностью людей, не принадлежащих к кастам, но претендующих на то, чтобы быть брахманами и прославляющих себя как брахманов, истинное благородство древнего, героического, принадлежащего к высокому классу брахмана превращается в ничто! И опять-таки иностранцы учат нас, что невежественные, тупые, принадлежащие к низшим кастам миллионы людей в Индии, одетые только в набедренные повязки, не являются арийцами. Они поэтому уже более не могут считаться нашими пращурами!

О Индия! Просто подражая другим, копируя других во всем, во всем завися от других, со своей рабской слабостью, со своей дикой отвратительной жестокостью, сможешь ли ты благодаря всему этому достичь высших вершин цивилизованности и величия? Сможешь ли получить благодаря своей позорной слабости ту свободу, которая достойна лишь храбрых и героев? О Индия! Не забывай, что твой идеал женщины — это Сита, Савитри, Дамаянти²⁵, не забывай, что Бог, которому ты должна поклоняться, есть величайший из аскетов, отрекшийся от всего Шанкара, супруг и господин Умы, не забывай, что твои свадьбы, твои богатства, твоя жизнь не должны служить чувственным удовольствиям, не должны быть направлены на достижение индивидуального личного счастья, не забывай, что твои искусства являются жертвой на алтарь Матери, не забывай, что твой социальный порядок есть не что иное, как отражение Бесконечной Универсальной Отчизны, не забывай, что низшие классы, невежественные, бедные, неграмотные, сапожник, мусорщик есть твои тело и кровь, твои братья. Будь отважной, будь смелой, мужественной, гордись тем, что твое искусство — индийское, и гордо провозглашай: «Я — индиец, и каждый индиец — мой брат». Говори: «Невежественный индиец, бедный и несчастный индиец, индиец-брахман и индиец-парий — мои братья». И те, кто одет лишь в набедренную повязку, гордо провозглашайте во весь голос: «Индиец — мой брат, в Индии — моя жизнь, индийские боги и богини — мой бог. Индийское общество — это колыбель моего детства, благоухающий сад моей юности, священные небеса, Варанаси моей старости». Говори, мой брат: «Земля Индии — мое высшее небо, благо Индии — мое благо», повторяй день и ночь, как молитву: «О ты, Богиня Гаури, о ты, Мать вселенной, вселите в меня человечность! О ты, Мать Силы, возьми прочь мою слабость, возьми прочь мою бесчеловечность и сделай меня Человеком!»

²⁵ Дамаянти — в эпосе описана как добродетельная супруга царя Наля, последовавшая за ним в изгнание, когда он проиграл в кости свое царство (Мбх., III, 50 — 79).